

СЕКЦИЯ 1. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

Н.Н. Алеврас
Челябинск

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УРАЛЬСКИХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРАХ: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ КОММУНИКАЦИЙ ИСТОРИОГРАФОВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Редко какой историк, позиционирующий себя в области конкретно-исторических исследований, избежал потребности и необходимости обращения к историографическим сюжетам. Их органическая связь с исторической проблематикой давно легла в основу специального типа исследований, вошедших в науку под определенным проблемной историографии. В сегодняшнем опыте исторического познания этот жанр историографии – далеко не единственный. Он активно дополняется другими способами изучения пути, пройденного исторической наукой. Затрудняясь с абсолютно точной дефиницией новых типов (жанров) историографических исследований, осмелюсь применить к ним рабочее определение – «коммуникативная историография».

Историографическое исследование в современном научном знании приобретает все более причудливые очертания и широкие границы. Оно не только преодолевает традиционные стандарты проблемного подхода с характерным для него акцентом в область обобщения научной литературы и описаний концептуальных построений историков, но и существенно расширяет диапазон своих интересов, вторгаясь в область смежных дисциплин: филология, лингвистики, истории литературы, философии, политологии, науковедения и др. Одновременно происходит процесс соединения его интересов с предметным пространством новых для отечественной науки субдисциплин, формирующихся на стыке истории и культуры.

Если, в связи с этим, иметь в виду процесс антропологизации историографии, манифестируемый современными «продвинутыми» историками и историографами как стратегическая линия обновления историографического знания, то становится ясной актуальность для историографических исследований таких областей историко-культурного знания как интеллектуальная история, персональная история, историческая (культурная) антропология, история памяти и др.⁵ В своей совокупности они разворачивают внимание историографов к истории исторической науки как выражению творческого портрета сообщества историков, находящегося в состоянии живого интеллектуального общения. Коммуникативная составляющая этой характеристики и дает основание обозначать исследовательские практики вышеприведенным определением.

В результате антропологического поворота закономерно начался процесс методологических рефлексий ученых, связанных с поиском адекватного инструментария в

⁵ См.: Корзун В.П. Отечественное историографическое сообщество: от сциентизма к историко-культурным исследованиям // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII – XX вв.) Материалы второй всероссийской научной конференции. Т. II. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 157 – 160; Тронцкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Там же. С. 164 – 165; Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. №1; Корзун В.П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник. 2002 – 2003. Омск, 2003; Алеврас Н.Н. Очертания культурного пространства русской историографии XIX в. // Там же; Хмельевская Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. Челябинск, 2004. С. 15 – 16; Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Диссерт... научной степени канд. ист. наук. Омск, 2006., и др.

стремлении вписать историю исторической науки в контекст культурной истории. Новые исследовательские проекты стали ориентироваться на иные ценностные установки: на смену так называемого «сциентистского» подхода пришел новый угол зрения, спроецированный в область творческого процесса историка, рассматриваемого сквозь призму экзистенциальных понятий – «жизнь в науке», «судьба историка», «научное сообщество», «межличностные отношения», «научная повседневность», «школы в науке», «поколенная» история науки и пр. На этом фоне существенно изменилась структура источникового комплекса, используемого в историографических исследованиях: гораздо более востребованными стали не только труды ученых, но и источники личного происхождения – воспоминания, переписка, дневники, публицистика историков. Нередкими становятся эксперименты получения историографической информации на основе методов устной истории. Активно начали вводиться в научный оборот личные фонды историков, более глубоко была осознана значимость целенаправленного формирования личных фондов современных представителей исторической науки.

Обновление историографического знания вовлекло историографов в сферу проблем, связанных с выработкой языка и стиля современного историка исторической науки. Облик неприемлемого в новых условиях прежнего историографического дискурса заставил обратиться к опыту теоретико-методологических исследований зарубежных коллег⁶.

Далеко не полный и лаконично очерченный перечень методологических проблем современной историографии можно дополнить вопросами преподавания историографии (а также – методологии истории) на исторических факультетах университетов. Ведь учебные курсы должны впитать в себя современные достижения и уровень историографических исследований⁷. Вряд ли кто сомневается в том, что и любой учебный курс конкретно-исторического профиля не может не опираться на опыт историографических исследований.

Таким образом, область историографического знания можно представить как научно-дисциплинарную дихотомию: она воплощает в себе конкретику истории исторической науки (историограф в этом случае выполняет такие же функции, что и историк) и, одновременно, выступает в качестве методологического элемента общей системы исторического познания, поскольку синтезирует опыт творческой жизни историка на персональном и коллективном уровнях. Любой тип историографических исследований, при этом, ориентирован на изучение преемственности исторического и собственно историографического знания, что закрепляет за историографическими исследованиями функцию прогностического свойства. Современный уровень историографии поставил также на повестку дня обобщение практик историографических исследований и опыта историографической мысли в виде истории историографии (или – «рефлексия рефлексия»).

Уральский регион с прилегающими к нему районами Сибири (Тюменская область), Башкортостана и Прикамья-Поволжья можно рассматривать как исторически сложившийся анклав научной культуры, территориальные связи внутри которого содействовали и научным коммуникациям. Немаловажным моментом является общее проблемное поле многих исследований, ориентированных на региональную тематику. История Урала, как предмет многих конкретно-исторических исследований,

⁶ См.: Троицкий Ю.Л. Указ. соч.; Антощенко А.В. К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. Вып. XX. М., 2001; Он же. Нарратология как методика историографического исследования // А.В. Антощенко. «Евразия» или «Святая Русь»? Петрозаводск, 2003.

⁷ Вопросы преподавания историографии, несомненно, требуют специального разговора, и в данном случае только упоминаются как одна из актуальных задач, связанных с формированием историографической культуры историка-профессионала. Обсуждение проблем в данном курсе см.: Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Материалы научно-методической конференции 11 – 12 мая 2000 г. Омск, 2000.

инициировавшихся в течение всего XX в., стала не только основой пересечения научных интересов историков (что и закладывает региональные практики научных связей), но и определила характер доминирующих историографических исследований. Большинство из них обращено к опыту изучения уральской истории. Это во многом предопределило появление такого историографического феномена как Уральская историографическая школа, сформировавшаяся в стенах Уральского госуниверситета⁸.

Современные представители школы существенно расширили проблемно-хронологический диапазон исследований в сравнении с периодом ее формирования⁹, сохранив при этом свою главную отличительную черту – метод проблемно-концептуального анализа исторических исследований¹⁰. Знаменательна попытка представить научный потенциал провинциальной историографии и раскрыть некоторые черты ее историографических интересов в контексте общего для российской науки теоретико-методологического переосмысления задач и принципов исторического познания¹¹. Научные полемики последних лет по ряду вопросов уральской истории и историографии¹² свидетельствуют об актуальности проблемной историографии и востребованности подобного жанра исследований.

Подчеркивая важную роль Уральской историографической школы в историко-научном пространстве Уральского региона, нельзя не заметить историографических усилий университетских центров других уральских и близких к Уралу городов – например, Вятки, Ижевска, Магнитогорска, Перми, Челябинска. Хотя в них не сложилось столь мощного, как в Екатеринбурге, историографического движения, но уже закладывается свой профиль историографических и близких к нему исследований. Вятские историографы¹³ ориентированы на изучение опыта становления и развития научных традиций провинциальной историографии и разработку методологии локальной (местной) истории, что заставляет обращаться к опыту региональных исследований.

Пермские историки¹⁴, вероятно, не претендующие на статус своей научной стратегии как сугубо историографической, тем не менее, выступают исследователями, близко стоящими к методу современной историографии. Их интерес к возможностям культурной истории, акценты в область коллективной памяти, опыт создания учебных пособий по

⁸ См.: См.: Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Уральская историографическая школа // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2004. №29.

⁹ См., например: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года (историографический очерк). Тюмень, 1997; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999; Россия в XX в.: история и историография. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2002; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Шипкин И.Г. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века. Тюмень, 2003. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной историографии. Екатеринбург, 2004 и др.

¹⁰ См.: Камынин В.Д. «Проблемная историография» в 1990-е – первые годы XXI века: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Сб. статей. Челябинск, 2006.

¹¹ См.: Камынин В.Д. Эволюция методологических и концептуальных представлений в провинциальной исторической науке в конце 80 – 90-х гг. XX столетия // Уральский исторический вестник. №7. Екатеринбург, 2001.

¹² См. серию статей по проблемам модернизации уральской горнозаводской промышленности и по поводу «нового направления» в исторической науке Д.В. Гаврилова, М.А. Фельдмана, Л.В. Сапоговой и др.

¹³ См.: Гомяилов С.А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996; Бердинских В.А. Уездные историки: русская профессиональная историография. М., 2003 и др.

¹⁴ См., например: Лаптева М.П. Кризис жанра военных мемуаров // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001; Она же. Теория и методология истории. Курс лекций. Пермь, 2006; Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма и культурной памяти постсоветской России в 1990-х гг. // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. Челябинск, 2004; Она же. Во времена Сталина: искусство 1930 – 50-х гг. в зеркале американской историографии // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Сборник статей. Челябинск, 2006; Шнейдер К.И. В поисках утраченных иллюзий, или Ранний русский либерализм в историографической ретроспективе // Там же и др.

методологии истории проецируют точки пересечения историографических и социокультурных исследований. Их исследовательская практика раскрывает методологию реконструкций различных рефлексий человека и социума на прошлое и настоящее. Это представляется актуальным, если иметь в виду, что историография является разновидностью рефлексивного знания. Близки к ним по стило магнитогорские историки¹⁵, представившие научной общественности изучение художественного киноатографа в качестве выражения национального самосознания и социокультурного инструмента формирования исторических мифов. Вполне просматривается историографический почерк ижевских историков¹⁶, тяготеющих к освещению опыта изучения древнерусской истории и практикующихся в области историографической портретистики.

Челябинская диаспора историографов, проявляя интерес, главным образом, к дореволюционной исторической науке, пытается освоить коммуникативно-схоларные процессы ее научного бытия. Серия статей диссертаций, первый опыт публикации лекций по русской историографии¹⁷, издание научного сборника (Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006), ставшего результатом недавней историографической конференции, демонстрируют стремление отойти от привычной для провинциальной науки региональной проблематики и освоить историографический плацдарм общероссийского масштаба. Подобные амбиции, вероятно, являются выражением внутреннего протеста против традиционного сужения горизонта проблематики периферийной историографии региональными сюжетами.

Сопrotивление прежней традиции можно объяснить и стремлением связать свои научные разработки с университетскими программами учебных курсов, ориентированными, естественно, на российскую историю и историографию в целом. Такой подход можно воспринимать как продолжение опыта старой школы российских историков, соединявших задачи преподавания с практикой своих научных исследований. Немаловажным объяснением научного выбора может служить факт относительной молодости Челябинского университета, в котором собственная историографическая традиция стала формироваться на волне социальных и политических трансформаций рубежа XX – XXI вв.

Человеческий фактор – еще одна составляющая формирующейся традиции. В частности, реализация творческого потенциала и научно-исследовательских проектов одного из лидеров челябинских историков, выпускника университета – И.В. Нарского, ставшего транслятором современной западноевропейской научной мысли, сыграла важную роль для критического восприятия образа прежней отечественной историографии XX в. и переосмысления задач новой историографии. Примечательна, при этом,

---

¹⁵ См.: Токарев В.А. Между страстью и пристрастностью: Клио и художественный киноатограф // Историк в меняющемся пространстве...; Чернова Н.В. Киноатограф как средство деформации исторической памяти (на примере сталинской киномифологии) // Век памяти, память века.

¹⁶ См.: Историк в меняющемся пространстве... (см. статьи В.В. Долгова, Н.В. Халивина, А.Н. Маркина).

¹⁷ См., например: Краснова Ю.В. Историческое образование в столичных университетах России в конце 70 – х – начале XX вв. Диссерт. ...ученой степени канд. ист. наук. Челябинск, 2003; Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. «Историческая правда» и «домыслы историка»: Ключевский и его школа в окуляре критики историков-эмигрантов 1920 – 30-х гг. // Век памяти, память века; Гришина Н.В. Школа В.О. Ключевского в культурном пространстве дореволюционной России. Диссерт. ...ученой степени канд. ист. наук. Челябинск, 2004; Божье Я.В. Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло. Диссерт. ...ученой степени канд. ист. наук. Челябинск, 2004; Полевик Т.Н. Д.С. Мережковский: личность и творческий процесс в контексте восприятия истории. Диссерт. ...ученой степени канд. ист. наук. Челябинск, 2005; Алеврас Н.Н., В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная историография») // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1. История. 2005. №2; Она же. Государственная школа в русской историографии (из лекционного опыта) // Проблемы российской истории. М., – Магнитогорск, 2006. Вып. VI; Она же. Евразийцы и Г.П. Федотов: русская революция в диалогах эмигрантов-современников // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 16. М., 2006.

готовность многих историков Челябинского университета адекватно отреагировать на методологический вызов новейшего времени.

Таким образом, в системе традиций историографических исследований Уральского региона в целом просматриваются различные тенденции. Они, вероятно, способны содействовать взаимному обогащению исследовательских стратегий историографов, работающих в несовпадающих методологических полях и при помощи различного методического инструментария.

В связи со сказанным, хотелось бы обратиться к историко-научной общественности с предложением наметить программу коллективных творческих усилий в виде историографических конференций различного профиля, научно-практических семинаров, связанных, например, с преподаванием историографии в вузах, совместных изданий научной продукции. В частности, представляется актуальной разработка коллективного проекта по выявлению и переизданию сочинений уральских историков и публицистов историко-краеведческого профиля XIX – XX вв. Само собой разумеется, что речь должна идти о наиболее значимых фигурах в интеллектуальном пространстве Урала, исследования которых стали к сегодняшнему дню раритетными.

Вероятно, координатором предлагаемого начинания мог бы стать Институт истории и археологии УрО РАН, который способен соединить творческий потенциал историков и историографов многих уральских вузов. Предлагаемая идея в процессе ее реализации могла бы лечь в основу создания, как портретной галереи уральских исследователей, так и очерков по уральской историографии, которая пока существует во фрагментарном состоянии. Очевидно, что процесс работы над проектом дал бы возможность инициировать и другие историографические идеи. Нельзя при этом исключать необходимости поддержки историографических исследований, ориентированных на изучение истории исторической науки в ее общероссийском измерении, поскольку «замыкание» историографических исследований сугубо региональными рамками способно привести к нежелательным последствиям научной автаркии.

Полагаю, что усилия для формирования развитой культуры научных коммуникаций в Уральском регионе будет способствовать консолидации историографов, а укрепление научной корпоративности приведет к обновлению историографического знания, расширению историографических интересов, росту историографической и методологической культуры в широкой среде историков.

**Е.Ю. Алкаримова
Екатеринбург**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В ИСТОРИОГРАФИИ

Со временем заметно растет интерес исследователей к традиционной для этнографической науки проблеме общественного быта горожан дореволюционной России. Важность и актуальность изучения общественного быта городского населения России обусловлена той важной ролью, которую город играл и играет на протяжении всей истории России, которая все больше возрастала в процессе урбанизации. Л.А.Анохина и М.Н.Шмелева справедливо отмечают: «Городское население всегда вносило большой вклад в формирование культуры и быта народа, участвовало и участвует в создании национальных традиций. В городе вырабатываются многие прогрессивные черты общественного быта, материальной культуры, в ряде случаев получают более яркое и полное выражение отдельные народные обычаи и обряды, многие культурные новшества, оказывающие влияние на духовную жизнь всего народа»¹⁸.

¹⁸ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977. С.4.